

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2000 г. Л.И. СКВОРЦОВ

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ОЖЕГОВ – ЧЕЛОВЕК И СЛОВАРЬ

(к 100-летию со дня рождения)

10(23) сентября 2000 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского лингвиста, лексикографа и лексиколога, историка литературного языка, основателя нового направления в современной русистике – теории и практики культуры русской речи – профессора Сергея Ивановича Ожегова.

В языках разных народов существует понятие "человек-словарь". Достаточно вспомнить Э. Литтре во Франции, Н. Уэбстера в Америке или братьев Гримм в Германии.

У нас в России в круг "людей-словарей" входят В.И. Даль, И.И. Срезневский, Д.Н. Ушаков и Сергей Иванович Ожегов. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова, вышедший в 1949–1991 годах двадцатью тремя изданиями (общим тиражом свыше 7 миллионов экземпляров), до недавнего времени занимал прочные позиции наиболее авторитетного пособия и справочника по современному русскому литературному языку.

Почему "до недавнего времени"? Да потому, что теперь есть и школьные толковые словари, и несколько кратких (однотомных), всякого рода словари трудностей и правильностей, произношения и ударения, особый Словарь конца XX века и даже "Большой толковый словарь русского языка" в одном томе на 130 тысяч слов... Ожеговский словарь (а в современном виде – "Ожеговско-Шведовский") не то чтобы затерялся среди них, но явно потерял роль лидера и флагмана. Таковы жестокие реалии наших дней.

А ведь сравнительно недавно (лет 10 назад) Словарь Ожегова был настольной книгой "правильной русской речи" для всех слоев населения, для каждого образованного человека. Практически он имелся в каждом доме, в любой семье, к нему обращались инженеры и учителя, журналисты и писатели, актеры театров и кино, режиссеры, дикторы радио и телевидения, студенты, школьники и домохозяйки. Он был авторитетнейшим пособием для всех, кому дорог и кому действительно нужен русский язык. "Посмотрите у Ожегова", "Справьтесь в Ожегове", "Откройте Ожегова", – говорили и советовали люди друг другу в тех случаях, когда надо было получить какую-либо языковую справку, решить возникший острый спор, рассеять сомнения или, напротив, утвердиться в правильности своих языковых представлений.

Современность, актуальность, научная достоверность, нормативная и оценочно-стилистическая определенность при относительной компактности – вот основные достоинства, которые определили необычайную долговечность этой книги, намного пережившей своего творца и составителя.

Акад. Л.В. Щерба, сам великий лексикограф, полагал, что вообще "словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является

активным, а дарование словарника – пассивным и обязательно сознательным" (Л.В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. ИАН СЛЯ 1940. № 3: 104).

Таким "особо тонким восприятием языка" в полной мере обладал С.И. Ожегов. Он был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Тонко чувствуя структуру и семантическую материю слова, С.И. знал необычайное множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий. Автору этих строк посчастливилось, например, выслушать однажды содержательную импровизированную мини-лекцию о коньячном производстве и его истории в России. Многие хранили кладовые его памяти из истории науки и техники, народных промыслов, спорта, военного и театрального быта, из городского и сельского фольклора, из самых разных художественных текстов. Он все читал и всем интересовался до последних дней жизни.

Самый близкий и давний друг С.И. профессор А.А. Реформатский так писал о нем в скорбных строках некролога: «С.И. был очень цельным и своеобразным человеком. Он был не только русистом в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах. Он великолепно знал русскую старину, русскую историю и этнографию. Знал и хорошо чувствовал русские пословицы и поговорки, поверья и обычаи. Прекрасный знаток русской литературы, как классической, так и современной, он никогда не расставался с книгой. А книги он читал "с карандашом", пристально и целеустремленно, о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания и выписки. Богатый жизненный опыт в соединении с верным чутьем и выдвинули С.И. в первые ряды деятелей культуры речи. Всегда благожелательный к окружающим и внимательный к людям, кто бы к нему не приходил, С.И. подкупал своей удивительной простотой и добротой, окрашенной мягким юмором» (ИАН СЛЯ. № 2: 192).

Незабываем сам облик этого обаятельного человека, интереснейшего собеседника, остроумного рассказчика, внимательного и заинтересованного слушателя, острого и умелого полемиста. Он никогда не отрывался от жизни, от "злобы дня", всегда был в гуще событий (в том числе и общественно-политических, международных), остро ощущал актуальные потребности современной филологической науки, направленные на непосредственное служение обществу, прививал это чувство ученикам и единомышленникам.

Интеллигентная мягкость, которая при необходимости сочеталась с принципиальной твердостью (особенно в вопросах науки), составляла душевную основу С.И. и находила выражение в манерах поведения, в стремительной и легкой походке. Юношеский азарт и увлеченность работой, притягательную силу "электрического" взгляда глубоких карих глаз он пронес через всю жизнь.

Я помню, как, желая похвалить нас, молодых сотрудников, он всегда говорил: "Замечательно!" или "Прекрасно!" – немного нараспев и слегка грассируя. Надо сказать, что на подобного рода похвалы он был необыкновенно щедр. «Отзвуки молодости, – пишет его сын Сергей, – своеобразное "гусарство" всегда жили в отце. Всю жизнь он оставался художавым, подтянутым, внимательно следящим за собой человеком». (Дружба народов. 1999. № 1, с. 212).

Душевное благородство С.И. получил "в наследство" от своих предков. *Ожеговы* – фамилия уральская, мастеровая. Происходит она от слова *ожег* – так называли в старину деревянную кочергу, которую окунали в расплавленный металл, чтобы определить степень его готовности. По прозвищу *Ожег* (о долговязом, высоком и худом человеке) и возникла фамилия *Ожегов*. В известном "Ономастиконе" акад. С.Б. Веселовского приводятся сведения о том, что некто *Ожегов Иван* был дворовым царя Ивана (1573 г.).

Дед С.И., уральский мастеровой Иван Григорьевич Ожегов, с 13-ти лет и до конца жизни (умер в возрасте 73 лет в 1904 году в Екатеринбурге) проработал в Уральской золотосплавочной и химической лаборатории. Он был талантливым самоучкой, начинал в качестве "пробирерного ученика", а затем стал помощником лаборанта. Он вырастил 14 сыновей и дочерей, причем все они получили высшее образование.

Родился С.И. в фабричном поселке Каменное (ныне город Кувшинов) быв. Тверской губернии. Его отец Иван Иванович Ожегов работал там инженером на бумажной фабрике Кувшиновых. По тем временам Каменская фабрика имела первоклассное оборудование. В одном из ее цехов еще в начале 1990-х годов работала бумагоделательная машина, смонтированная Иваном Ивановичем Ожеговым в конце XIX века.

Мать С.И. – Александра Федоровна (в девичестве Дегожская) – приходилась внучатой племянницей протоиерею Герасиму Петровичу Павскому (1787–1863), известному филологу и педагогу, профессору Петербургского университета, автору фундаментального труда "Филологические наблюдения над составом русского языка". Александра Федоровна работала в пос. Каменное акушеркой в фабричной больнице. Она родила трех сыновей – Сергея, Бориса (ставшего архитектором и погибшего в блокаде Ленинграда) и Евгения (инженера-путейца, умершего еще до войны).

Весной 1909 года Ожеговы переезжают в Петербург, где Иван Иванович начал работать в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне фабрика "Гознак"). С.И. начинает учиться в 5-й гимназии, которая располагалась на пересечении Екатерининского и Английского проспектов. Сохранились книги, которыми награждали С.И. "за примерное поведение и отличные успехи". В старших классах он полюбил шахматы и футбол, состоял в так называемом Сокольском спортивном обществе.

Летом 1918 года С.И. окончил гимназию и поступил на факультет языкознания и материальной культуры Петроградского университета, прослушал первые лекции. Однако в конце 1918 года он оставляет университет и уезжает в город Опочку к родным матери. Там он, будучи по молодости лет членом партии эсеров (как многие гимназисты и студенты), участвует в установлении советской власти. Затем он порывает с эсерами и 5 декабря 1918 года зачисляется вольноопределяющимся в Красную Армию. Участвует в боях под Нарвой, Псковом и Ригой, на Карельском направлении, затем на Украине, на врангелевском фронте. До 1922 года он служил на руководящих должностях в штабе Харьковского военного округа в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск). После окончания военных действий ему предложили путевку в военную академию, но он отказался, был демобилизован и вернулся на филологический факультет Петроградского университета.

В 1926 году он завершает обучение и по представлению своих учителей В.В. Виноградова, Л.В. Щербы и Б.М. Ляпунова был рекомендован в аспирантуру Института истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. В это время он углубленно занимается изучением истории русского литературного языка, знакомится с обширным кругом древних и новых языков (в первую очередь славянских), слушает лекции С.П. Обнорского, Л.П. Якубинского, участвует в семинаре Н.Я. Марра.

Свою аспирантскую подготовку С.И. непосредственно проходил под руководством будущего академика В.В. Виноградова (последний говорил мне, что С.И. был самым первым его аспирантом). Это не только сблизило их в научном отношении, но и сдружило лично, наложило отпечаток на дальнейшие их жизненные судьбы. Достаточно сказать, что в непростые предвоенные годы С.И. регулярно отправлял сосланному в Вятку В.В. Виноградову "корзины книг" для научных трудов своего учителя (он рассказывал об этом как о вполне естественном деле).

Влияние научных идей акад. В.В. Виноградова, его складывавшейся тогда школы С.И., по собственному его признанию, испытывал в течение всей своей жизни. В 30-е годы они вместе работали в коллективе Ушаковского словаря; их тесное сотрудничество и личная дружба продолжались в период Великой Отечественной войны и в нелегкие послевоенные годы (особенно во времена засилья "марровского учения" о языке). В Институте русского языка АН СССР, когда его директором стал В.В. Виноградов, С.И. исполнял обязанности ученого секретаря и заместителя директора, был руководителем организованного им в 1952 году Сектора культуры русской речи. Академик В.В. Виноградов провожал в последний путь своего ученика (в декабре 1964 года). Он вел траурный митинг в конференц-зале Института русского языка АН СССР на Волхонке и в прощальной речи с большой теплотой говорил о С.И. как выдаю-

щемся деятеле русской советской лексикографии, организаторе филологической науки, главном редакторе серийного академического издания "Вопросы культуры речи".

Научные интересы С.И. были связаны с исследованием истории русского литературного языка, малоизученных вопросов исторической грамматики, лексикологии, орфоэпии, языка русских писателей, орфографии и фразеологии.

Можно с уверенностью сказать, что вряд ли бы мог развиваться в С.И. такой самообытный и яркий талант лексиколога и лексикографа, специалиста по культуре речи, если бы он не был тонким исследователем истории русского литературного языка. Изучение родного языка в его живых социальных связях и отношениях было главным направлением научного творчества С.И. Разговорная русская речь во всех ее проявлениях (включая городское просторечие, жаргоны, аргó и профессиональную речь) – основной объект его работ. И не случаен поэтому сам выбор исследуемых им старых авторов: И.А. Крылов, А.Н. Островский, П.А. Плавильщиков и др.

Анализ языка и стиля писателей XVIII–XIX вв. показал С.И., насколько важно представлять четкую периодизацию истории русского литературного языка нового времени, определить его современные границы.

Что считать современной литературной нормой в строгом смысле слова? Где находится точка отсчета переживаемого нами периода в развитии языка? Без теоретического решения этих вопросов невозможно было обращаться к практическим проблемам составления нормативных словарей, справочных пособий, правильно и объективно оценивать с нормализаторских позиций пришедшие в язык многочисленные новшества.

В результате всесторонних наблюдений над конкретными фактами языка (в частности, в области лексики) С.И. пришел к выводу о том, что в послеоктябрьскую эпоху русский язык прошел несколько этапов:

- 1) первые годы революции и 20-е годы, связанные с известным расшатыванием литературных норм в результате общественных изменений и расширением социальной базы носителей литературного языка;
- 2) 30-е годы, характеризующиеся заметной стабилизацией литературных норм и внутренним перестроением лексической системы – в связи с развитием образования, появлением качественно нового слоя интеллигенции и т.п.;
- 3) 40–50-е годы, ознаменованные дальнейшим расширением нормативной базы, ростом научно-технической терминологии и частичным возрождением ушедшей на время в пассивный запас лексики.

В наши дни предложенную С.И. классификацию можно, видимо, продолжить, выделив новые этапы:

- 4) 60–70-е годы, связанные с эпохой научно-технической революции и развитием терминообразования в невиданных дотоле масштабах; эволюционным и органичным освоением литературным языком необходимых иноязычных заимствований, а также профессионального, диалектного и просторечного по происхождению материала;
- 5) 80–90-е годы, связанные с коренными изменениями в структуре общественно-политического строя, сменой форм собственности, изменениями в составе активных участников коммуникации (появление слоя коммерсантов-бизнесменов, группы "новых русских" и др.), стилистическим снижением и вульгаризацией литературного языка, засилием (особенно в средствах массовой информации, рекламе, программах ТВ и др.) англо-американских заимствований; расшатыванием системы литературных норм ("языковая смута") и т.п.

Проведенные С.И. глубокие и оригинальные социолингвистические исследования нашли отражение в ряде его статей и заметок 50–60-х годов. Закономерным итогом этой большой работы явилось выдвижение им научной проблемы "Русский язык и советское общество", ставшей одной из главных исследовательских тем Института русского языка АН СССР. Монография в 4-х книгах "Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование" вышла в свет в 1968 году, спустя

4 года после кончины С.И. К Проспекту этого труда им был написан обширный раздел "Лексика", содержащий ряд смелых, новаторских идей в области изучения лексической системы современного русского языка и происходящих в нем живых процессов. Здесь С.И. выдвинул уточненную периодизацию развития русского языка в советскую эпоху, более подробно, чем прежде, обосновал понятие обиходно-разговорной речи как одной из влиятельнейших форм современного национального языка, описал ее состав и структуру, проследил историю перехода ряда слов и выражений из круга социально ограниченного употребления или из территориальных говоров в общую русскую речь (*запросто, сравняться, признать, запороть, переживать, вояж, богадельня* и мн. др.).

Словарное дело, составление и редактирование словарей – вот та сфера научной деятельности С.И., в которой он оставил заметный и неповторимый "ожеговский" след. Не будет преувеличением заявить, что не было в 50–60-е годы ни одного мало-мальски заметного лексикографического труда, в котором С.И. не принимал бы участия – либо как редактор (или член редакционной коллегии), либо как научный консультант и рецензент, либо как непосредственный автор-составитель.

Он был членом редколлегии ССРЛЯ АН СССР в 17-ти томах (М.-Л., 1948–1965) с 6-го по 17-й том включительно. Он – автор-составитель и член редколлегии академического "Словаря языка Пушкина" в 4-х томах (М., 1956–1961).

Совместно с С.Г. Бархударовым и А.Б. Шапиро он редактировал "Орфографический словарь русского языка" АН СССР (с 1-го по 12-е издание включительно); редактировал (совместно с Р.И. Аванесовым) словарь-справочник "Русское литературное ударение и произношение" (изд. 2-е, М., 1959); был инициатором создания и редактором академического словаря-справочника "Правильность русской речи" (1-е изд. – 1962, 2-е изд. – 1965), одним из авторов-составителей которого является автор настоящей статьи¹.

Вместе с Н.С. Ашукиным и В.А. Филипповым С.И. составил "Словарь к пьесам А.Н. Островского (Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков)", который в 1949 году дошел до верстки, но не был издан по условиям того времени (борьба с "космополитизмом") и появился на свет репринтным изданием лишь в 1993 году. До конца жизни С.И. был заместителем председателя Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР, а также членом редколлегии знаменитых "Лексикографических сборников".

Деятельность С.И. по составлению словарей началась в конце 20-х годов в Ленинграде, когда он активно включился в редактирование "Словаря русского языка" АН СССР (1895–1937, издание не было завершено). Том 5, вып. 1, "Д – деятельность" полностью составлен и отредактирован им одним.

С 1927 по 1940 год, сначала в Ленинграде, а с 1936 года – в Москве, С.И. участвовал в составлении "Толкового словаря русского языка" – первенца советской лексикографии. Словарь под редакцией проф. Д.Н. Ушакова ("Ушаковский словарь") вышел в свет в 1935–1940 годах в 4-х томах и воплотил в себе лучшие традиции русской науки, лексикографические идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы. В его составлении приняли участие замечательные языковеды: В.В. Виноградов,

¹ Большую и нескрываемую радость испытал С.И. в 1963 году, узнав из журнальной заметки В.Я. Лакшина о высокой оценке, которую дал этому словарю в его 1-м издании А.Т. Твардовский, тогдашний главный редактор "Нового мира". Из журнальной заметки В.Я. Лакшина этот эпизод перешел затем в одну из его книг:

«В первые месяцы, что я поступил работать в редакцию, он подарил мне академический словарь "Правильность русской речи (Трудные случаи современного словоупотребления)" с надписью: такому-то "в целях усиления бдительности в отношении чистоты и безупречности статей и рецензий в "Новом мире". А. Твардовский.

Прежде чем передать эту книжку мне, он сам ее внимательно перелистал и отчеркнул на полях заметки о словах: "в адрес", "волнительно", "без ничего"... Соотношение нормы с живым бытованием слова всегда занимало его» (В. Лакшин. Открытая дверь. М., 1989: 183).

Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Б.В. Томашевский, каждый из которых внес заметный и неповторимый вклад в это большое общекультурное дело. С.И. был одним из основных составителей Ушаковского словаря, правой рукой главного редактора и научно-организационным "движителем" всей работы (по признанию самого Д.Н. Ушакова).

Из общего объема словаря в 435 печатных листов С.И. подготовил более 150 листов. Совместно с Д.Н. Ушаковым и Г.О. Винокуром С.И. осуществил редактирование II, III и IV томов словаря.

Работа над Ушаковским словарем (особенно когда первый том пошел в производство) порой была крайне напряженной: чтение корректур проходило одновременно с подготовкой рукописи очередного тома к печати и с собственно составительской работой. Последний, IV том словаря вышел в свет за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны (подписан к печати 3 декабря 1940 года).

Продолжая лучшие традиции отечественной академической лексикографии, ТСРЯ под ред. Д.Н. Ушакова воплотил в себе одновременно идеи строгой научности академических словарей и массовой доступности практического словаря-справочника. Образцовостью и нормативностью включаемого богатого лексического и фразеологического материала он утверждал опору на литературный язык "от Пушкина до Горького". В статье "От редакции" подчеркивалось: "Составители старались придать словарю характер образцового в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык".

Осуществить эту последнюю задачу по отношению к русскому литературному языку 20–30-х годов XX века было особенно трудно. В послереволюционную эпоху в нем произошли значительные количественные и качественные изменения: пополнился и видоизменился словарный состав, уточнились смысловые и стилистические характеристики слов и выражений; с появлением новой интеллигенции (из рабочих и крестьян) менялся состав активных носителей литературного языка.

В результате всего этого традиционные нормы устной и письменной речи испытывали определенные колебания; описывать и закреплять их в словарном порядке было нелегко. От авторов-составителей словаря требовался огромный такт, соединенный с глубокими знаниями и тонким языковым чутьем и вкусом.

Выход в свет ТСРЯ под ред. Д.Н. Ушакова явился событием большого научного, общественного и культурно-просветительского значения. Это был первый лексикографический опыт, отразивший с достаточной полнотой лексику и фразеологию 20–30-х годов XX столетия. Ушаковский словарь оказал большое влияние на всю русскую толково-нормативную лексикографию последующих десятилетий и на становление словарного дела в национальных советских республиках.

Участие в группе Словаря Ушакова было большой школой для С.И. В 1939–1940 гг. на базе этого словаря он создает (по поручению Д.Н. Ушакова) Типовой словник для русско-национальных словарей (объем – 70 печатных листов). Создание этого словника фактически было начальным этапом в истории однотомного Ожеговского словаря.

Мысль о кратком толковом словаре давно волновала С.И., но лишь с завершением гигантской эпопеи по составлению и изданию Ушаковского словаря этот замысел получил вполне реальную базу.

Конечно, работа над однотомным словарем была облегчена наличием четырехтомного ТСРЯ, но вместе с тем она имела свои особенности, а подчас и совсем иные задачи. Это не был "сокращенный ТСРЯ", отнюдь не "краткий Ушаков" (как потом нередко говорили ожеговские недоброжелатели из научной и околонушной среды). Ведь в рамках одного тома надо было отразить с достаточной полнотой основной состав лексики современного русского языка; включить в него наиболее важные неологизмы, выработать компактную структуру словарной статьи и принципы экономной подачи иллюстративного материала. Необходимо было также учесть и новые научные достижения в области лексикологии, лексикографии, орфоэпии, грамматики и стилистики.

В самом конце 30-х годов возникла инициативная группа по созданию "Малого толкового словаря русского языка". На заседании 10 июня 1940 года была образована редакция, в которую вошли Д.Н. Ушаков (главный редактор), С.И. Ожегов (зам. главного редактора), Г.О. Винокур и Н.Л. Мещеряков. Редакция поручила выработать план издания, определить объем и структуру словаря, сроки издания и т.п. С.И. Ожегову. К осени 1940 года С.И. подготовил План издания "Малого толкового словаря русского языка", состоящий из 21 пункта (хранится в Архиве РАН. Ф. 1516). По этому плану предполагалось, что Малый словарь "предназначается для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи". В словарь должно было войти примерно 60 тыс. слов, а общий объем его планировался в пределах 120 авт. листов в одном томе. Состав словника (который предстояло еще уточнить в процессе работы) призван был отразить "основной лексический состав литературного языка со включением наиболее существенных разновидностей устной и письменной речи". В основу Малого словаря предполагалось положить словник Ушаковского словаря, а всю работу закончить в 1942 году.

Начавшаяся война и другие обстоятельства ломают все намеченные планы и далеко отодвигают сроки завершения работы. Один за другим уходят из жизни члены редакции Малого словаря: Д.Н. Ушаков (1942 г., Ташкент), Н.Л. Мещеряков (1942 г., Казань), Г.О. Винокур (1947 г., Москва). И лишь через 4 года после окончания войны, в самом начале 1949 года, выходит в свет 1-е издание однотомного "Словаря русского языка", составленного С.И. Ожеговым (при участии Г.О. Винокура и В.А. Петросяна), под общей редакцией акад. С.П. Обнорского. Словарь Ожегова начинает свою замечательную жизнь.

Ожеговский словарь выдержал 6 прижизненных изданий и неоднократно переиздавался в зарубежных странах. Популярность его начала быстро расти сразу же после выхода в свет. В 1952 году вышло репринтное издание в Китае, вскоре последовало издание в Японии. Он стал настольной книгой многих тысяч людей во всех уголках земного шара, изучающих русский язык. За пределами России нет, в сущности, ни одного специалиста-русиста, не знакомого с именем С.И. Ожегова и с его словарем. Последней данью признательности ему стал "Новый русско-китайский словарь", вышедший в Пекине в 1992 году. Его автор Ли Ша (русская по происхождению) сделала необычную книгу: она скрупулезно, слово в слово перевела на китайский язык весь "Словарь русского языка" С.И. Ожегова.

В процессе составительской, авторской работы над однотомным нормативным словарем перед С.И. встал ряд вопросов, требовавших теоретического и практического разрешения.

Во-первых, это проблема стилистических помет к словам, их критического отбора из довольно дробной системы Ушаковского словаря (около 40!), с учетом динамического изменения экспрессивно-стилистической окраски слов и выражений.

Во-вторых, проблема многозначности (полисемии) слов, структуры толкований (с неперменным адекватным отражением живых тенденций и объективных процессов семантических изменений, происшедших за последние годы).

В-третьих, вопросы, связанные с иллюстративным материалом, т.е. с подбором примеров-цитат, принципом их экономности и в то же время представительности и убедительности.

Наконец, в-четвертых, предстояло значительно обновить весь "ушаковский" словник, включив в него новые слова и словосочетания, новые значения и оттенки значений и т.п. Эта последняя задача прямо связывалась с типом однотомного издания, призванного оперативно отражать новые явления в жизни языка.

В решении всех этих вопросов, в успешном преодолении трудностей, возникавших перед автором однотомного словаря, во всем блеске проявилось особое чувство слова, присущее С.И., его тонкое восприятие живого языка, умение точно и строго объективно оценивать происходящие в языке процессы.

Собственные наблюдения С.И. над развитием русского литературного языка в новых общественных условиях позволили ему уточнить толкования многих слов, упорядочить их стилистические характеристики, решить сложные и многообразные вопросы отбора лексического и фразеологического материала для краткого однотомного словаря, тип которого еще не был выработан в русской лексикографии (опыты дореволюционных однотомных словарей А.Н. Чудинова или П.Е. Стояна, конечно, не могли идти в расчет).

Следует особо отметить, что в повседневной работе Ожегова-лексикографа теория и практика шли рука об руку. Теоретические принципы современной нормативной лексикографии нашли отражение во многих публикациях С.И. 50–60-х годов, а в обобщенном виде содержатся в фундаментальной статье "О трех типах толковых словарей современного русского языка", актуальность которой сохраняется и в наши дни. В ней С.И., в частности, писал: "... в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи" (ВЯ. 1952. № 2: 91).

В 1-м издании Словарь Ожегова содержал чуть более 50 тыс. слов; во 2-м, исправленном и дополненном, издании (1952 год) – 52 тыс. слов, а в 4-м, также исправленном и дополненном, издании (1960 год) – около 53 тыс. слов. Практически это две трети объема словника четырехтомного ТСРЯ под ред. Д.Н. Ушакова (85 тыс. 289 слов). По сравнению с последним в Словаре Ожегова отсутствуют редкие термины, исключены малоупотребительные в общей речи иностранные слова, а также многие областные, просторечные и арготические элементы.

Экономия места в однотомнике достигалась за счет компактной подачи значений, а также введения частичного гнездования (например, при слове *дом* приводятся в той же статье – *домик, домок, домишко, домина, домище*, прилагательное *домовитый* и т.п.). В отличие от Ушаковского словаря, в котором толкования слов иллюстрируются примерами из русской художественной литературы и публицистики (около 400 авторов), в Ожеговском словаре приводятся так называемые "р е ч е н и я" – составленные автором короткие фразы, типичные сочетания слов, а также образные выражения, пословицы и поговорки. Сокращение объема словника Ушаковского словаря сочеталось в однотомнике с большой работой автора по учету новых слов и значений, вошедших в активный речевой обиход в военные годы и в послевоенное время, с уточнением их стилистических характеристик.

От издания к изданию С.И. перерабатывал свой словарь, стремясь как можно лучше отразить в его рамках современное литературное словоупотребление, сделать более строгой нормативную сторону подачи материала и тем самым усовершенствовать его как универсальное пособие по культуре речи. Уточнялась система грамматических и стилистических помет, обновлялся и пополнялся словник. Однако при всех этих необходимых изменениях (отражавших кроме всего прочего новые достижения лексикографической науки и теории общего языкознания) по своей структуре, составу, характеру подачи материала и нормативной направленности он оставался "Словарем Ожегова", сохранявшим живое дыхание и творческую мысль автора-составителя.

До последних дней жизни С.И. неустанно работал над совершенствованием своего детища. В марте 1964 года, будучи уже тяжело больным, он подготовил официальное обращение в издательство "Советская энциклопедия", в котором писал: «В 1964 году вышло новое, стереотипное издание моего однотомного "Словаря русского языка"... Я нахожу нецелесообразным дальнейшее издание Словаря стереотипным способом.

Я считаю необходимым подготовить новое, переработанное издание. Предполагаю внести ряд усовершенствований в Словарь, включить новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов, получивших новые оттенки значения, усилить нормативную сторону Словаря" (разрядка наша. — Л.С.).

Осуществить этот замысел С.И. не успел: 15 декабря 1964 года его не стало.

Горячий поклонник научного таланта С.И. писатель К.И. Чуковский в заметке-некрологе "Памяти С.И. Ожегова" (ЛГ, 22 декабря 1964 года) рассказал о больших научных заслугах С.И. и о значении его трудов для русской культуры:

"Испытывая сильнейший напор и со стороны защитников штампованной, засоренной речи, и со стороны упрямых ретроградов-пуристов, Сергей Иванович Ожегов не уступил никому. И это вполне закономерно, ибо главное свойство его обаятельной личности — мудрая уравновешенность, спокойная, светлая вера в науку и в русский народ, который отметет от своего языка все фальшивое, наносное, уродливое. Эмоциям испуганных пуристов он противопоставлял спокойное, трезвое, строго научное понимание внутренних законов языкового развития. Этому пониманию учил он и нас, писателей, в своих статьях, публичных выступлениях, — и, прощаясь с ним, мы все, болелые о родном языке, не можем не выразить ему своей благодарности.

Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, что созданный им чудесный Словарь сослужит великую службу многим поколениям советских людей".

В 1968 и 1970 гг. вышли 7-е и 8-е стереотипные издания Словаря Ожегова. А начиная с 9-го издания (1972 год) он выходил под редакцией Н.Ю. Шведовой (в подготовке первого посмертного исправленного издания принял участие автор этих строк). От издания к изданию словник его увеличивался и достиг 70 тыс. слов. В 1990 году АН СССР присудила "Словарю русского языка" С.И. Ожегова премию имени А.С. Пушкина.

В 1991 году вышло 23-е издание Ожеговского словаря, которому, видимо, суждено было стать последним. "Ожеговский словарь" прекратил свое существование...

В 1992 году под грифами Института русского языка РАН и Российского фонда культуры выходит массовым тиражом книга двух авторов-составителей: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. "Толковый словарь русского языка". (К 1999 году появилось уже 4-е издание этой книги.)

Издаваемый ныне однотомный словарь Ожегова-Шведовой, вопреки заверениям автора "Предисловия", во многом отстает от принципов, сформулированных самим С.И. в статье "О трех типах толковых словарей современного русского языка". Это касается и состава словника (с обилием специальных терминов и вновь введенных архаизмов), и характера толкования однотипного материала (см. подачу общественно-политической лексики, наименований народов, религиозных течений и т.п.), и отношения к явно ненормативной лексике и фразеологии, включаемой в корпус словаря Ожегова-Шведовой вопреки пункту 2 § 2 "Сведений, необходимых для пользующихся словарем", составленных в свое время Сергеем Ивановичем Ожеговым.

В настоящем своем виде Ожеговско-Шведовский словарь перестал отвечать требованиям массового пособия по культуре речи, нормативному словоупотреблению. Составитель-соавтор отказывается от решения задач, четко сформулированных С.И. в предисловии "От автора" в последнем прижизненном издании Словаря: "Автор стоит на той точке зрения, что современный русский язык советской эпохи представляет собой, по сравнению с языком XIX и начала XX века, новый этап в историческом развитии русского литературного языка. Это позволяет в настоящем издании сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как пособие по повышению культуры речи" (изд. 4-е, испр. и доп., 1960).

Судьба новых изданий Ожеговского словаря вызвала серьезную обеспокоенность научной и журналистской общественности. Это вылилось в бурные, но весьма краткие полемические перепалки на страницах "Книжного обозрения", "Известий" и некот. др.

изданий. См., например: И. Реформатский. У Ожегова появился соавтор (Изв. 3 июня 1993 г.) и ответ группы "коллег-лингвистов" (Изв. 18 июня 1993 г.); Вл. Новиков. Ошибка века (Сегодня. 4 июня 1993 г.); А. Журавлев. Нужны ли соавторы Ожегову? (Книжное обозрение. 29 июля 1993 г.; в августовском номере этого же издания был опубликован ответ Н.Ю. Шведовой); А. Панфилов. Пристройка к памятнику (НГ. 21 янв. 1994 г.). Этой последней публикацией дискуссия была завершена.

В словаре Ожегова-Шведовой нарушается принцип краткости и компактности. По объему словника, количеству включенных в него слов и выражений (80 тысяч) он приближается, скорее, к среднему типу, по классификации С.И. Он сопоставим в этом отношении и с Ушаковским словарем, и с четырехтомным "Словарем русского языка" РАН. В сущности, это какой-то новый, промежуточный тип – между кратким однотомным и средним четырехтомным. Условно его можно было бы назвать "двухтомником в одном томе". Кстати, в том же "Предисловии" Н.Ю. Шведовой глухо извещается о подготовке какого-то большого двухтомного словаря, создающегося на базе "21-го издания однотомника и того словаря, который сейчас предлагается вниманию читателей".

Восстанавливая историческую справедливость, можно было бы вспомнить сложившуюся в зарубежной практике традицию издания знаменитых национальных словарей с сохранением имен первых авторов (например, "словари Уэбстера", "словари Литтре" или "словари Ларусс"). Скажу однако о весьма странных для строго нормативного издания изолированных "включениях" непристойных лексем: между словарными статьями "Говеть" и "Говор", а также между "Жонглировать" и "Жор". Эти сомнительные "новации" входят в явное противоречие (об этом говорилось выше) с пунктом 2-м § 2 "Сведений..." на стр. 5 словаря Ожегова-Шведовой: (В словарь не помещаются) "просторечные слова и значения с ярко выраженной грубой окраской". А ведь оба "включения" (на "Ж" и на "Г") сопровождаются пометами ("прост. груб.") (!).

Отмечу, наконец, явно неудачное название однотомника Ожегова-Шведовой: "Толковый словарь русского языка" дает повод для возрождения застарелых упреков и ярлыков типа "сокращенный Ушаковский словарь" (ведь он носит точно такое же название!). Неужели нельзя было назвать словарь как-то иначе, если уж непременно надо было "уйти" от прежнего наименования?

Вообще есть какая-то странность или даже мистика в том, что разного рода личные невзгоды преследовали С.И. при жизни и продолжаются, как мы видим, и после смерти. Кое-кто из современников-завистников отказывал ему в подлинной учености: какой, мол, это ученый, если у него нет монографий? (Появившаяся через 10 лет после его смерти книга "Лексикология. Лексикография. Культура речи" (М., "Высшая школа", 1974 г.) оказалась "томов премногих тяжелей" и служит вузовским пособием не одному поколению студентов-филологов).

Недоброжелатели ставили в вину С.И. то, что кандидатом наук (как будто все дело в дипломах! – Л.С.) он стал без защиты диссертации, по Постановлению СНК в 1934 году, а докторскую степень и звание профессора получил по совокупности научных и педагогических заслуг в конце 50-х годов, будучи известным ученым-лексикографом, руководителем большого научного коллектива. Осуждали его и за то, что начиная с 4-го издания Словаря (1960 г.) он вынес на обложку свою фамилию ("Как Даль! Нескромно!").

На подобные упреки С.И. никогда не отвечал, действуя по пушкинскому принципу "не оспаривать глупца". Сейчас все это кажется смешным и мелким, однако никто не знает, каких душевных страданий и мук стоили ему эти наветы и слухи. Характерно при этом, что со вздорными оценками и заушательством выступали, как правило, те "специалисты" и "исследователи", у кого за душой не было и намека на какой-либо научный труд, хотя бы в чем-то сравнимый с фундаментальным Ожеговским словарем.

И все же, несмотря ни на что, имя Сергея Ивановича Ожегова давно вписано отдельной и важной строкой в историю русской лексикографии, в русскую культуру и

русское просветительство XX века. А Словарь Ожегова останется надежным свидетелем языка советской эпохи и послужит источником для многих интереснейших исследований.

И последнее. Будучи объективным, надо признать с сожалением, что авторские однотомные нормативные словари типа Ожеговского имеют, очевидно, свой "возраст", который исчисляется примерно полу столетием (или чуть более). Они живут в двух-трех поколениях говорящих, а затем уже как бы "доживают" свой век – за счет некоторых конъюнктурных правок и разного рода "латаний", не отражая в измененно-целостном виде нового общественного сознания (менталитета), новой речевой ситуации, динамизма нормативных изменений, а также новых представлений народа, нации о себе и окружающем мире (с соответствующими оценками этих представлений), обновленного общественного вкуса, уровня национального самосознания, наконец. Новое время требует и новых "песен", и новых словарей, – и с этим ничего не поделаешь.

Видимо, начавшееся столетие должно ознаменоваться в конечном счете появлением нового однотомного словаря, по возможности зеркально отображающего в целостном многообразии языковой дух новой эпохи, нового – внешнего и внутреннего – состояния народа, носителя языка. Кто будет этим новым Ожеговым и каким будет однотомный словарь XXI века ("новый Ожегов") – покажет время.

Что касается судьбы однотомного "Словаря русского языка" Сергея Ивановича Ожегова, то эта великая книга навсегда останется рукотворным памятником ее создателю – словарнику от Бога, талантливому лексикологу, историку русского литературного языка, тонкому и прозорливому стилисту-нормализатору, умелому и плодотворному организатору отечественной филологической науки.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О С.И. ОЖЕГОВЕ (1964–1999 гг.)

I

1. Чуковский К.И. Памяти С.И. Ожегова // "Литературная газета", 22 декабря 1964 г.
2. Реформатский А.А. Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) // Вопросы культуры речи. Вып. 6, М., 1965.
3. Реформатский А.А. Сергей Иванович Ожегов (Некролог) // ИАН СЛЯ. 1965. № 2.
4. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов // Русская речь. 1967. № 6.
5. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов (Проблемы культуры речи) // Русский язык за рубежом. 1971. № 3.
6. Скворцов Л.И. С.И. Ожегов. Предисловие // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
7. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов (К 75-летию со дня рождения) // РЯШ. 1975. № 3.
8. Граудина Л.К. С.И. Ожегов // Русская речь. 1980. № 5.
9. Скворцов Л.И. С.И. Ожегов (Серия "Люди науки"). Пособие для учащихся. М., 1982.
10. К 90-летию со дня рождения С.И. Ожегова // Русская речь. 1990. № 4.
11. Ожегов С.С. Предисловие // Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993.
12. Предисловие (По материалам статей А.А. Реформатского и Л.И. Скворцова) // Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.
13. Бельчиков Ю.А. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова в контексте его научной деятельности // Родной язык. 1995. № 4.
14. Левашов Е.А. Однотомный "Словарь русского языка" С.И. Ожегова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб, 1998.
15. Ожегов С.С. Отец // "Дружба народов". 1999. № 1.
16. Никитин О.В. Сергей Иванович Ожегов // Московский журнал, 1999. № 8.
17. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов // Отечественные лексикографы XX в. Материалы для хрестоматии / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 1999.
18. Задорожный М.И. К 50-летию выхода в свет Словаря Ожегова // Русский язык (Приложение к газете "Первое сентября"). 1999. № 46.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

1. Ожегов Сергей Иванович (авторы *Л.И. Скворцов* и *Б.С. Шварцкопф*) // Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти томах. Т. 5. М., 1968.
2. Ожегов Сергей Иванович (б/а) // БСЭ. Изд. 3-е. Т. 18. М., 1974.
3. Ожегов Сергей Иванович (б/а) // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
4. Ожегов Сергей Иванович (авт. *Ю.А. Бельчиков*) // Москва. Энциклопедия. М., 1997.
5. Ожегов Сергей Иванович (авт. *Л.И. Скворцов*) // Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х томах. Т. 2. М., 1999.
6. Ожегов Сергей Иванович (б/а) // Краткий энциклопедический словарь: В 2-х томах. Т. 2. М., 2000.